

СПИНОЙ К СПИНЕ: ДВОЙНАЯ ГЕРМА СОКРАТА И СЕНЕКИ И «ВИЗУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ» В АНТИЧНОМ МИРЕ

Р. В. СВЕТЛОВ

spatha@mail.ru

В. В. САВЧУК

vv51771@rambler.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

ROMAN SVETLOV & VALERY SAVCHUK

St. Petersburg State University,

BACK TO BACK: THE DOUBLE HERM OF SOCRATES AND SENECA AND «VISUAL MORALITY»

IN THE ANCIENT WORLD

ABSTRACT. Already in archaic Athens herms can play not only a cult role, but also social and didactic. In Rome herms of philosophers, sages, politicians, demonstrated contradictory unity of wisdom and historical completeness of philosophical tradition - from Greece to Rome. They had not only aesthetic, but also ethical, behavioral and even «mnemonic» value. Double herm of Socrates and Seneca allows us to identify possible ways in which a «visual systematization» of moral philosophical heritage had place in the late Roman culture.

KEYWORDS: Ancient Herms, Moral Philosophy, Iconography of Ancient philosophers.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 14-03-00594 «Иконография античных философов: история и антропология образа».

Герма как знак

Гермы, обычные, но также двойные или тройные, известны с ранней истории Элады (Ср. Нильссон 1998, 12–14). Они являлись и межевыми знаками, и «верстовыми столбами», а также охранительными памятниками перед входом в дом; они имели ритуальный характер, будучи предметом поклоне-

ния – чему можно найти множество подтверждений, например в античной вазописи. Лица на верхней части этого четырехгранного столба могли изображать самых разных персонажей – первоначально отстраненно указывающих на какое-то божество, а затем имевших вполне «портретный» облик. Вполне возможно «классические» гермы в значительно большей степени обязаны своим происхождением образу Диониса, а не Гермеса, как обычно считается (Goldman 1942).

Место появления первых герм часто связывают с Афинами. По словам Геродота, афиняне, а затем все остальные греки переняли характерный внешний вид гермы от пеласгов (Herodot. Hist. II, 51), а Павсаний говорит, что именно афиняне придали гермам четырехугольную форму (Paus. IV, 33.3). Поскольку фаллосы часто отбивались, то этот атрибут гермы постепенно был утрачен. Один из примеров подобного вандализма, к слову, хорошо известен – в связи с известным «делом Алкивиада» (Никитюк 2005). Впрочем, утрата «маскулинных признаков», вероятно, была связана и с постепенным изменением роли герм в культурном ландшафте Эллады и Рима (если они и будут появляться в римские времена – то уже не как символ плодородия, а как архаический эстетический элемент).

Двойная герма – символическое удвоение признака?

Итак, со временем гермы освобождаются от патронажа культа, становясь все более и более «светскими» культурными объектами (окончательная профанация сакрального содержания герм происходит в XVI веке, когда они стали элементом декоративной и садово-парковой скульптуры). Они были одним из источников становления жанра портретной скульптуры. Эволюция бюстов-герм указывала на глубокие изменения в культуре, проявившиеся в феномене моды, в изменении личных вкусов хозяина дома, загородной виллы с садом. Двойные же гермы сочетали в себе как стилистические особенности гермы, так и портрета. Сохранившиеся примеры двойных герм дают нам сочетания двух одинаковых мужских лиц, либо же лиц молодого и старого (обычно трактуются как «Гермес и Геракл»), лиц мужчины и женщины. Если одно из этих лиц нам знакомо, мы можем пытаться догадаться о персоне второго: в работах по античной скульптуре мы находим способы таких изысканий на примере античных театральных авторов (напр., Richter 1959, 34–36). Двойные изображения не являются каким-то исключением для античного мира: можно привести в качестве примера двойные профили человека и зверя (кабана или волка) на магических геммах, или двойные лики императоров на римских монетах (что должно было подчеркнуть прием-

ственность династии). Иногда два лика (например, белый и черный) можно увидеть на противоположных краях какого-то из античных сосудов.

Изначально столбики, на которых изображались лики герм, были квадратными или прямоугольными. Следует указать, что слово «квадратный» в древности имело и ряд дополнительных коннотаций: оно в принципе могло указывать не только на герму или «тектонически» замершую архаическую статую, но иносказательно указывало на морально и физически совершенного человека. С тетрадой пифагорейцы сравнивали справедливость, а Аристотель в «Никомаховой Этике» приводит как распространенное выражение о совершенном человеке как о «безупречно квадратном» (Aristot., Eth. Nic., I, 10, 1100b).

Вполне возможно, что удвоение облика было связано с чисто визуальным стремлением обрести эту безукоризненную полноту изображения. В таком случае правое и левое, молодое и старое, мужское и женское олицетворяли полноту и вечное равновесие мироздания (вспомним «двуликого Януса», юного и зрелого одновременно, или три «двойных» пола перволюдей из диалога «Пир»).

Однако едва ли только какие-то умозрительные представления были источником подобных изображений, столь популярных в Элладе, а затем в Риме. Вполне возможно имелся и визуальный «прототип» – λάβρυς, или πέλεκυς (δίπλοῦς πέλεκυς), двойная секира, хорошо известная в Ближневосточном мире, а в эпоху минойской цивилизации имевшая обрядовое значение. В классической Элладе она также использовалась как ритуальное оружие, а в ряде случаев являлась атрибутом Зевса или пары Зевс-Гера. Так, на драхме из Тенедоса на аверсе видны лица Зевса и Геры, а на реверсе – двойной топор, отсылающий как могуществу быка. Именно так трактуется лабрис – бронзовый двойной топор, найденный в тронном зале царя Крита (Рис.1). Некоторые из двойных герм как будто специально стилизованы под лабрис – особенно когда оба лица абсолютно похожи друг на друга. Удвоение – символически важный акт, указывающий на *удвоение выражаемого качества* (подобно двуглавым орлам или лвам на гербах рыцарей, правителей, императора), силы, власти и могущества, собранных в неразрывное целое. Вероятно, лабрис как раз символизировал целостность божественной власти и земного богатства. Семантика лабриса могла легко угадываться в двойных гермах – и наоборот.

С другой стороны, в античности можно найти многие примеры проявления этой единой «двунаправленности», которую в свое время Ф. Ницше объяснял наличием дионисийского и аполлонического начал, удерживаемых экзистенциальное напряжение противоборствующих сил, этой застывшей в

равновесии полярностью, рождающей нечто их превосходящее: культуру, исторический контекст, цивилизацию. Двунправленность – способ удержания разных истоков культуры, без противоположной стороны утрачивающей свою полнокровность и животворность. В качестве только одного из примеров можно напомнить т. н. «двойные речи» софистов и риториков, техника подготовки и произнесения которых была важнейшим элементом «высшего образования». В случае двойных герм философов эти речи так и хочется вложить в уста их смотрящих в противоположные стороны лиц.

Рис. 1. Тетрадрахма Тенедоса V в. до н. э.

Рис. 2–3. Слева: двойная герма Геродота и Фукидида, Неаполь, Национальный археологический музей. Справа: Двойная герма Эпикура и Метродора, Капитолийский музей.

Представляется, что для античного интеллектуала, доверявшего пифагорейскому принципу «тело – темница души», было *очевидно*: реальность телесного есть воплощенность (материализация) эйдетического начала; тело – недолговечный субститут души. В этом смысле портрет – не этап в развитии искусства, а универсальная метафора конструкции взгляда, слепок с неизменно живой игры умозрения, чувства, долга и страсти. В мифе все смыслы наделены плотью и сделаны живыми существами, но верно и обратное, что каждое живое существо живо настолько, насколько оно есть овеществленный миф, символом коего является представление тела. Такое представление тела вбирает в себя шлейф тотемистических и анималистических грез, привычку к ранениям и боли у граждан, живущих войной с неизбежными ранениями, увечьями, смертями – и поэзией любви на другом полюсе (не странно ли, что увечных героический пантеон практически не знает). Не потому ли это происходит, что зрение получает статус «самого благородного из чувств», а истина обретает истинный взгляд, умозрение, позволяющее видеть невидимое, читать символы и знаки? Вот и двойные гермы – это некоторый «визуальный миф», уравнивающий противоположности, но так, что уравнивание не приводит к равенству. Мы всегда имеем неравновесное равенство, динамическое единство вечно изменяющихся составляющих, событие общности и различия.

Обратимся в качестве примера к широко известной двойной герме Геродота и Фукидида (Рис. 2). Здесь важно все и первичное (скульптурное изображение) и способ репрезентации фотографии ее в различных исследованиях и собраниях изображений античной скульптуры, и наше бессознательное согласие с такой практикой. Что мы имеем в виду? Первое, скульптор сделал голову Геродота несколько выше, а тем и значительнее. Геродот старше, он – начало традиции, продолжением коей был Фукидид. Если сравним с не менее известной двойной гермой философв-эпикурейцев: Эпикура и Метродора, то мы увидим ту же картину (Рис. 3). Эпикур как основатель выше и величественнее. Точно также в двойной герме Сократа и Сенеки Сократ крупнее и выше (Рис. 4).

Посмотрев на двойную герму Аристофана и Менандра (Рис.5), мы обнаружим, что имеются и иные способы выражение значимости и неравновесия этой значимости, оценки вклада изображенных персонажей. Отсутствие различий в «росте» компенсируются возрастом, бородой, внушительностью патриархального образа Аристофана, что в ту пору указывало на старшинство и буквальном и символическом смысле. Отметим, как любопытный казус, что три из четырех предлагаемых нами фотографий герм помещают старшего и более «начального» персонажа слева. Хотя фотографировать

гермы, безусловно, можно с разных сторон, мы видим перед собой изображения, в которых персонажи систематизированы по привычному для европейского человека принципу, связанному с той же нашей манерой письма: слева – начало, справа – завершение процесса.

Рис. 4–7. Сверху справа: двойная герма Аристофана и Менандра. Остальные изображения: двойная герма Сократа и Сенеки, III в. н.э., Берлин.

Основание для сравнения оказывается шире, чем рационально вычленимые критерии сравнения, потому хотя бы, что образ всегда не равен слову. Образ – открытая зона для все новых и новых интерпретаций. Поэтому мы не можем утешать себя иллюзией, что художественно-образная рефлексия по определению уступает рациональной. Согласно известной максиме Делеза, высказанной им в отношении кино, следует подходить к

образу со-размышляя с ним. В нашем случае это верно, как мы увидим ниже, и в отношении скульптурного образа.

Когда же кто-то пытался вопреки воле и вкусу народа создать себе двойное изображение, уравнивая себя с великим человеком из седой старины, то общественное осуждение происходило незамедлительно. Вот что историк Геродиан рассказывает про императора Каракаллу: «Нам довелось кое-где видеть и смехотворные изображения: нарисовано одно тело, а в круге, рассчитанном на голову одного человека, по половине лица каждого: одна от Александра, другая – от Антонина» (Herod. Historia post Marcum Aurelium. IV.8.2, пер. А. К. Гаврилова).

Подлинные герои, поэты и мыслители, пройдя все стадии гносеологических процедур сомнения в видимых достоинствах, значимость свою в истории удостоверяют через портрет: видимость легализируется пантеоном изображений. Здесь же – в двойном портрете Каракалы и Александра Македонского – мы отмечаем пополнение собрания кунсткамеры казусов, гордыни, болезненного самомнения.

Воспитательный ригоризм двойных герм

В какой-то момент гермы стали одной из форм «наглядной агитации» – воспитания членов полиса в рамках той морали гражданской здравости и ответственности, которая стала затребована в обществе. Так, по Диогену Лаэртию, на статуе Анахарсиса было написано: «Обуздывай язык, чрево, уд» (Diog. Laert. I, 8). И даже если истории о нравоучительных памятниках легендарным мудрецам являются эллинистической выдумкой, у нас имеется один очень любопытный исторический «анекдот», сохраненный в ученическом диалоге «Гиппарх», написанном в платоновской школе во второй половине IV в. до н. э.

В нем рассказывается о сыне афинского тирана Писистрата, который, после смерти отца, правил вместе со своим братом Гиппием в 527–514 гг. до н. э. Несмотря на отрицательное в целом отношение к памяти об этих тиранах, которое существовало в демократических Афинах, в диалоге о Гиппархе говорится как о воспитателе и просветителе аттического крестьянства:

«Сократ. Гиппарх <...> показал нам множество прекрасных деяний мудрости <...> Когда же граждане столицы и ее окрестностей стали у него достаточно образованными и все восхищались его умом, он, задумав дать образование жителям сел, расставил по дорогам, на полпути между городом и каждым демом гермы и, выбрав из своей собственной мудрости и из той, коей он был обучен, самое, по его мнению, мудрое, переложил это в элегии и начертал стихотворные изречения на колонна, дабы, во-первых, его сограждане не дивились муд-

рым дельфийским надписям, таким, как «Познай самого себя», «Ничего сверх меры», и другим им подобным, но считали бы изречения Гиппарха более мудрыми, а во-вторых, дабы, проходя туда и обратно мимо установленных герм и читая надписи, они отведали бы его мудрости и двинулись бы из сел в школы, где могли бы набраться и прочих знаний. Надписи же эти были двойные: с левой стороны каждой гермы начертано, что Гермес водружен на полпути между городом и демом; с правой стороны стоит: «Памятник этот – Гиппарха: шестувуй путем справедливым». На других гермах начертаны многие другие прекрасные стихи. Например, на Стирийской дороге сделана следующая надпись: «Памятник этот – Гиппарха: друга не ввергни в обман ты»...» (Hipparch. 228b-229b. Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн)

Таким образом, эти гермы, во-первых, отмечали место своего нахождения, во-вторых, предоставляли место для некоего морального урока. Начертанные на них слова были в некотором смысле словами самого бога – именно Гермес этого памятника говорил о том, где, кем установлен его изображение, и именно его авторитет заверял значимость моральной максимы. Читавший по дороге в город и обратно подобные поучения, крестьянин «втягивался» в полисную систему нравственных норм, которая – как мы знаем из истории античной философской и политико-этической мысли, в это время как раз активно противопоставлялась «эгоцентрическому» образу эпических богов и героев. А если мы вспомним известное представление о том, что в античном мире большинство читало вслух, то мораль становится не только визуально зафиксированной, но и слышимой.¹

То, что скульптурный «жанр» гермы начал использоваться для визуального напоминания о мудрости и нравственности – как это будет иметь место в случае Сократа и Сенеки, – нас удивлять не должно. История о Гиппархе показывает: статуя-герма, вдобавок к своей первоначальной архаически-сакральной функции, могла предоставлять место для сообщения и поучения.

Двойные гермы философов

В римское время возникла мода создания бюстов философов, которые украшали убранство частных домов и частные сады. Бюст этот имел как знаковое (указание на просвещенность), так и эстетическое значение, занимая особое место в общем интерьере жилища, и нес определенный смысл: внешний облик мудреца напоминал о философском образе жизни, моральных поучениях, каких-то событиях из жизни этого мыслителя. В об-

¹ Интересно, что убийц Гиппарха было двое – Гармодий и Аристокитон, и им была установлена двойная (но не двулика) монументальная группа.

щем можно сказать, что их ролью было напоминание о чем-то хорошо известном и поучительном, однако теряющемся в нашей повседневной суете. С другой стороны, само их наличие указывало на определенный статус хозяина, на его образованность и утонченность. К тому же, интерес к гермам философов выражал возросший статус последних в античном обществе. В объяснении причин их появления, уместно вспомнить первоначальную функцию ориентиров и указателей на дорогах. Философы тоже становились указателями, но не в прямом, а в переносном смысле: ведь наряду с морской навигацией Платоном провозглашалась навигация «вторая», связанная с умозрением, то есть ориентацией в мысли с помощью собственных усилий, где именно мудрецы могли бы стать ориентирами правильного пути.

В ряде случаев выбор и установка тех или иных герм была вполне продуманной и даже изысканной стратегией, правда не всегда для нас понятной. Это можно сказать, например, о «Вилле Папирусов» в Геркулануме, раскопки которой идут, начиная с XVIII столетия. Наличие там статуй мыслителей, представлявшие конфликтующие друг с другом школы, истолковывается современными исследователями как один из аспектов попытки систематизировать реалии римского мира середины I в. до н. э. (когда она, вероятно, создавалась), а также универсума в целом. В Вилле Папирусов найдены не только противостоящие друг другу философские школы стоиков и эпикурейцев (возможно олицетворявшие две стороны римской жизни – эпикурейское наслаждение *res privata*, выражавшееся в досуге-*otium*, и стоическое требование следования моральному долгу, понятому в Риме как *res publica*, как гражданское дело-*negotium* и даже обязанность-*officium*). Там противопоставлялись также оратор (Демосфен) и правитель (Деметрий Фалерский), возвышенный эпос (Антимах из Колофона) и сатира (Менипп из Гадары), культура (Афина и Аполлон) и природа (изображения сатиров и пикантная группа «Пан и коза»). Вполне вероятно эти противопоставления не имели целью фиксировать разорванность и противоречивость общественной и культурной жизни, но диалектически соединяли их в одном месте, в одном целом – своего рода элизиуме утонченного и образованного мужа (Немировский 1991).

Двойная герма Сенеки и Сократа

Сочетание представителей разных школ могло выражаться и не только в расположении их в одном пространстве. Известная двойная мраморная герма Сенеки и Сократа (III в. н. э.), обнаруженная в 1813 г. во время раскопок «Виллы Маттеи» близ Рима и хранящаяся ныне в Берлине, предлагает нам иную форму «систематизации» наследия культуры. Объединение «бо-

соного афинянина», простота и безыскусность образа жизни которого продемонстрирована и прической, и известной «силеновостью» черт лица (правда, несколько смягченной в сравнении с иными его изображениями – Рис. 6), с породистым римским аристократом, ухоженным, властным, грузным (второй подбородок придает тяжелую значительность его облику – Рис. 7) может быть истолковано в самых разных аспектах.

Первое, что объединяет их – это насильственная смерть. Оба были осуждены и казнены властями и оба же эти суда были признаны несправедливыми, а власть, осудившая философов, запятнала себя этим приговором в глазах потомков. Второе – философия, которая объединяет эллина и римлянина, человека родовитого (Сенека) и рядового (Сократ – если следовать традиционной его социальной идентификации), одного из богатейших людей своего времени, и бедняка, имевшего всего 5 мин годового дохода. Третье – то, что этика была главным предметом их интереса, и они остались в культурной памяти именно как этические учителя. Четвертое – их верность тем моральным принципам, которые они проповедовали во время своих бесед (Сократ) или в своих сочинениях (Сенека). Верность эту они проявили особенно перед смертью: Сократ отказался бежать из темницы, а Сенека, которому, к слову, в отличие от Сократа, «было что терять» – статус, достояние, именно в конце жизни доказал, что его слова и дела не противоречат друг другу и не пытался каким-то образом договориться с Нероном.

Сближение этих фигур было настолько очевидным для последующей истории культуры, что – безотносительно к нашей герме – мы видим сочетание Сократа и Сенеки в моралистических рассуждениях Джанцо Манетти, написавшего в 1440 году трактат *Vitae Socratis et Senecae*.

Отметим, что это тяготение к восприятию философии как целостного, а не разорванного академическим изложением явления становится характерно уже для I в. до н. э. – времени, когда интерес к философии становится обычным делом в римском обществе. Связано это и с педагогической стороной вопроса: знакомство с историей философии как бы уравнивает и рядопологает школы, так и с синкретическими процессами в самой тогдашней мысли. Именно тогда начинают формироваться представления о некой «единой философии». Платоник Антиох из Аскалона (ок. 130–68) был одним из основателей данного представления. Он подчеркивал необходимость вернуться к искаженному скептиками, начиная с Аркесилая, учению Древней Академии, к которой помимо Платона, Спевсиппа, Ксенократа и Полемона Антиох относил Аристотеля и Теофраста. Во времена же создания гермы Сократа и Сенеки восприятие образованными людьми философии как целостного явления было довольно устойчивым, о чем свидетель-

ствуют сочинения христианских апологетов (хотя на уровне «профессиональной философии» противостояние между «идеалистами» платониками и, например, стоиками или эпикурейцами было вполне очевидным и актуальным).

Вместе с тем воспоминание о судьбе объединенных в двойной герме мыслителей добавляет и новые смыслы: власть несправедная в случае Сократа была демократией, а в случае Сенеки – монархией. Власть народа и власть единственного лица оказались враждебны философии: не означает ли герма из Виллы Маттеи, что философия обречена на преследование со стороны «града земного», какой бы способ правления в нем не был? С другой стороны, Нерона, ученика и, одновременно, палача Сенеки в римской исторической традиции всегда описывают как тирана, и нельзя ли тогда проинтерпретировать эту герму как подтверждение платоновской оценки демократии, действующей по строгим юридическим нормам, и незаконной тирании как наихудших для философов видов правления (см. Plato. Polit. 302e–303a)?

Похоже, художник, создававший герму, стремился передать облик философов перед самым важным вызовом в их судьбе – перед смертью. Оба всматриваются в что-то перед собой: то ли в уже миновавшую жизнь, то ли в ожидающую их смерть. Оба спокойны и невозмутимы: действительно, что и кому им доказывать? Все уже сказано и сделано, и оценивать их станут не земные судьи, но кто-то иной. Само расположение Сократа и Сенеки – затылок к затылку, спина к спине, придает этой двойной герме еще и воинский смысл: философы словно бы занимают круговую оборону в схватке с обступившим их обыденным разумом (который в ту пору носил мифопоэтический характер), испокон веку сопротивляющимся философии. Внутренние противоречия философов отступают перед лицом превосходящего противника. Их в этой битве осталось только двое и в ней они, безусловно, падут, но не посрамят своих философских убеждений – как не посрамили себя спартанцы при Фермопилах.

Однако двойная герма может нести и еще один смысл, намекающий на то сопоставление и сравнение римского и эллинского, которое мы видим в «сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Как известно этот историк, философ и моралист пытался сближать друг с другом те фигуры римской и эллинской истории, судьбы которых были схожими. Основание для сопоставления «простеца» Сократа и утонченного Сенеки нами уже описано – конфликт с властью и несправедная казнь. Однако Плутарх заканчивал парные биографии сравнением и некоторой моральной оценкой. Здесь же и сопоставление, и оценка оставлены на суд созерцателя скульптуры. И во-

прос о том, что выбрать: римское утомленное величие, или же греческую природную непосредственность, решать должен зритель.

Таким образом, двойной портрет Сократа и Сенеки позволяет наметить те возможные пути, по которым происходила «визуальная систематизация» морального философского наследия в поздней римской культуре. Гермы с философами, мудрецами, политическими деятелями, показывали противоречивое единство этой мудрости, конечную целостность универсума, полноту исторической традиции – от Эллады к Риму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Goldman, H. (1942) "The origin of the Greek herm," *American journal of archaeology* 46, 58–68.
- Richter, G. M. A. (1959) *Greek Portraits II. To what extent were they faithful likenesses?* Brussels: Latomus.
- Немировский, А. И. (1991) «Вилла Папирусов в Геркулануме и ее библиотека», *Вестник Древней Истории* 4, 170–182.
- Никитюк, Е. В. (2005) «Сущность и цели кощунства, совершенного гермокопидами в Афинах в 415 г. до н. э.», *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Санкт-Петербург, 115–124.
- Нильссон, М. (1998) *Греческая народная религия*. Санкт-Петербург.